

Записки бывшего эмигранта Из будущей книги "Там хорошо, где..."

Можно убежать из отечества, но нельзя убежать от самого себя.
Гораций

I. Мы уезжаем в Америку

...Когда наша дочь Катя в довольно сложном конкурсе, проходившем в Киеве, выиграла грант на возможность учиться в одном из нью-йоркских колледжей и в самом начале лета 1994 года с нескрываемой радостью отправилась в далекую Америку, я и представить себе не мог, что скоро и сам должен буду принять решение об отъезде. Время, конечно, было неспокойное — нищета вокруг, бандитизм, запустение, но у меня все было нормально: прекрасная квартира, достойная работа в порту, большой круг интересных людей, с которыми я общался... Кроме того, работая ли за границей "на суше" (например, во Вьетнаме), или качаясь по волнам мирового океана на судах заграничавания, через месяц-другой я начинал страшно скучать по Одессе — в какой бы порт (самый экзотический) ни заходило судно, в каких бы экскурсиях ни бывал.

Правда, здесь случай был особый: после отъезда Кати жена буквально места себе не находила, и любые разговоры заканчивались одинаково: "Опять не спала всю ночь... Как там наша Катюша — одна, среди чужих людей? А вдруг, не дай Бог, заболит — кто ее будет выхаживать на чужбине? Не могу я здесь спокойно находиться, нужно уезжать к ней!..". И так — постоянно. Что оставалось делать? А здесь как раз и шестьдесят мне стукнуло — можно и на заслуженный отдых. Рассчитался я с родным портом (как по живому отрезал: как-никак, три с половиной десятка лет с ним связано), получил на прощание удостоверение "Ветеран порта" и — свободен... В ресторане "Золотой берег", что на 16-й станции Большого Фонтана (старые одесситы помнят его неофициальное название — "Черный дрозд"), собрал на свой юбилей всех дорогих мне людей, на котором и объявил: так, мол, и так, уезжаем мы с Людой в солнечный Лос-Анджелес. Вот тут и началось... Даже Валера Хаит, велеречивый капитан одесской команды КВН, научившийся в КВНовских баталиях ничему не удивляться, временно потерял дар речи (мол, вот так пердюмо-

нокль*), а во всех последовавших тостах красной нитью проходило: "Ты что, Горбатый, с ума сошел?". Красивей всех сказал, естественно, Миша Жванецкий: "Ты, Толя, явно погорячился: здесь тебя все знают, ты всех знаешь, живешь жизнью нашего города, а там... Кому ты там понадобишься?! С нашими стариками-эмигрантами в парке сядешь "козла" забивать?..". Вот так постановочка вопроса — как будто мы за дешевой колбасой отправляемся! И так места себе не находил, а после подобных напутствий еще тоскливее стало. Забегая вперед, с удовлетворением отмечу: слава Богу, ошибся наш живой классик: нашел я свою нишу в далекой Америке, но каждое утро, забегая в Пламмер-парк на разминку и видя собиравшихся у столиков с домино наших стариков, вспоминал несбывшийся Мишин прогноз...

Кстати, о стариках. В наших эмигрантских кругах практически невозможно встретить бывшего *рядового* инженера, *рядового* преподавателя или *рядового* экономиста: все как один — бывшие руководители предприятий (не ниже главного инженера), директора учебных заведений, старшие экономисты... Думал, думал, но так и не понял, почему из развалившегося Советского Союза уехало только "руководящее звено", а рядовые трудяги остались...

Но ненадолго вернемся в Одессу ноября 1997 года. Больно было расставаться с нашей уютной ухоженной квартирой, но еще больнее — с моей довольно обширной библиотекой. По рассказам родителей, до войны у нас было великолепное собрание книг, включая, например, все тома Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, разграбленное после нашего отъезда в эвакуацию. Вернувшись с войны, даже в самое трудное время отец, истинный книголюб, по крупницам собирал новую библиотеку, постепенно втягивая в этот захватывающий процесс и меня. Когда отца не стало, я продолжал собирать книги, благо впоследствии появилась возможность получать так называемые "подписные издания", и в доме появились собрания сочинений писателей, которых страстно любил отец, передав эту любовь и мне. "Как жаль, что он это не видит", — с грустью думал я, расставляя на полках томики обожаемого нами Джека Лондона... Библиотеку эту я подарил замечательному "Дому с Ангелом" — реабилитационному центру для детей-инвалидов. Когда дюжие ребята (сразу видно — спортсмены), присланные директором центра Борисом Давидовичем

* Это совсем не то, что вы подумали. По-французски "perdu" — потерял, а "monocle" — монокль и есть. Если вдруг случалось что-то неожиданное, удивительное, человек широко раскрывал глаза — и монокль падал. То есть слово "пердюмонокль" означает нечто из ряда вон выходящее.

Литваком, начали выносить полки с книгами, я закрылся в дальней комнате... Впрочем, здесь не обошлось без курьеза. Вместе с библиотекой я решил подарить "Дому с Ангелом" и пианино — очень старый добротный инструмент с чугунной рамой, на котором Катя прошла полный курс музыкальной школы. Те же мощные ребята (их было четверо), перенеся в ожидающий их грузовик книги, не без усилий приподняли фортепьяно и, крихтя, понесли его к выходу. Предупредив спортсменов, чтобы они не повредили мраморные ступени лестницы в парадном, я с тяжелым сердцем вернулся в квартиру и сначала не обратил внимания на грохот, раздававшийся во дворе. Когда же спохватился и понял его происхождение, было уже поздно: избавившись от моего назойливого внимания, спортсмены лихо покатали мой хрупкий инструмент на миниатюрных колесиках по старому, в глубоких выбоинах, асфальту... Потом позвонил Борис Давидович, поблагодарил за книги и с усмешкой спросил: "Что это за дрова ты прислал под видом пианино?". И что я должен был ответить? Что его спортсмены не любят музыку?..

Дождливым утром 14 ноября 1997 года мы оставили Одессу. Думали — навсегда. В дальнейшее путешествие (до поста пограничного контроля в киевском аэропорту нас провожал мой верный друг Юра Андреев) с нами отправились мальгыйская болонка Тяпа и кошка Ксюша, ровно за четыре года до этого в такую же ненастную погоду вытащенная женой полуслепым котенком из мусорного бака на улице Польской. И здесь не обошлось без удивленных возгласов и красноречивых покручиваний указательным пальцем у виска: "Куда с животными претесь, малахольные, здесь их оставьте!..". Нет уж, коль уезжать — так всей семьей! Не могу не вспомнить прохождения нами таможи в киевском аэропорту "Борисполь". Ну, кто скажет доброе слово о таможенных контролерах? Что, нет желающих? А вот я скажу! По совету людей опытных я заранее зажал в кулаке 50 "зеленых", предназначенных для них. Нет, не подумайте, что мы собирались перевозить через границу "что-то такое", да и документы на наших животных были в полном порядке... Просто "знатоки" меня предупредили: если не хочешь растянуть на часы это удовольствие (имелся в виду досмотр багажа и личных вещей), а потом лихорадочно, в спешке, собирать разбросанные, а ранее аккуратно уложенные пожитки, — дай сразу полтинник. Я так и попытался сделать. Строгая девушка-контролер, критически оглядев нас и мечущихся в клетках наших хвостатых попутчиков, только усмехнулась, отодвигая мою руку с баксами: "Проходите! Вам эти деньги там очень пригодятся"...

Но как бы позлорадствовали все те, кто настаивал на оставлении животных в Одессе, если бы узнали, как буквально месяца через три после нашего приезда в Лос-Анджелес в полной мере подтвердилось утверждение знатоков жизни "там": в Америке содержать животных могут себе позволить только обеспеченные люди. Короче говоря, наши братья меньшие отравились непонятно чем, и экстренное посещение госпиталя для животных на бульваре Сансет, диагностика, включая рентген, и лечение с помощью дорогущих медикаментов обошлось нам... Даже не хочу называть цифру, чтобы не травмировать читателя. В 1999 году собачка наша умерла от какого-то вируса на шестнадцатом году достаточно счастливой собачьей жизни и была кремирована в том же госпитале. А вот Ксюша, законченная, как и все кошки, эгоистка, и сегодня радует нас оптимизмом и игривостью — в почтенном-то семнадцатилетнем возрасте! В 2000-м году, погнавшись на балконе за колибри, она спикировала с четвертого этажа на лос-анджелесскую землю, но, к счастью, только слегка ушиблась. Это показало медицинское обследование с непременно рентгеном (кошачья медицина, к слову, к этому времени хорошо подорожала)... Совершив путешествие в обратном направлении, в 2004 году она благополучно вернулась не только в свой родной город, но и в оставленную в 1997 году квартиру. Вот чудеса! Но это — отдельная история. Кстати, а не тянет ли Ксюшино почти кругосветное путешествие на какой-нибудь кошачий рекорд в "Книге рекордов Гиннеса"? Нет, серьезно, вот назовите еще хотя бы одну кошку, осилившую путешествие по маршруту: Одесса — Киев — Париж — Нью-Йорк — Лос-Анджелес — Чикаго — Варшава — Вена — Одесса! То-то... Извините, отвлекся.

Итак, поздним вечером 14 ноября 1997 года в аэропорту Лос-Анджелеса нас встречает несколько человек — родственники и мой друг (он же — прекрасный джазовый пианист) Костя Швуим. Последний вместо "Здравствуй!" устроил мне маленький сольный концерт по поводу прилета в Лос-Анджелес именно в пятницу, а не в какой-нибудь другой день недели. Видели такое? Меняя страну проживания, я, понимаете ли, должен был помнить, что по пятницам мой друг ходит на "джерм-сешн" в джазовый клуб в Санта-Монике. Его тираду я выслушал весьма рассеянно: честно говоря, в тот момент мне было не до Кости...

Мы едем в снятую для нас Швуимом квартиру (*one bedroom**) — двухкомнатную, если по-нашему. Начинается новый, поначалу — весьма тре-

* С одной спальней (анг.)

важный этап жизни, потому что к этому времени глава семьи уже успел разменять седьмой десяток, а с английским языком у него — еще хуже, чем с деньгами, то есть никак. Но сначала — еще в аэропорту — была небольшая лекция для вновь прибывших — для нас — так, несколько фраз, с пафосом произнесенных одним из родственников. Смысл лекции сводился к тому, что, как и положено каждому эмигранту, мы поначалу обязательно должны вдоволь наесться дерьма (слава Богу, не в прямом смысле слова), рассчитывать нам здесь не на кого — каждый выживает, как может. Концовка лекции, в которой сквозило явное ничем не оправданное злорадство, посвящалась исключительно мне лично: "Ты, Толя, забудь, кем ты был там, здесь ты никакой не начальник, и личного кабинета у тебя не будет"... Чесался у меня язык ответить, что родственники жены "лектора" все же избавили его от этой малоаппетитной процедуры, сразу приняв в свою кампанию на инженерную должность, но гордо промолчал...

В первые субботу и воскресенье на американской земле мы были окружены удивительной теплотой и всепоглощающим вниманием — такова традиция. Нас повезли в знаменитую Санта-Барбару — обиталище богатей, постаревших актеров и экс-президентов Америки, в другие экзотические места. С прекрасным видом на Тихий океан (никакой он, кстати, не тихий!) мы лакомились пиццей, запивая ее "будвайзером" — гордостью американского пивоварения. Со знаменитых лос-анджелесских холмов, сидя за столиком итальянского ресторана, мы любовались захватывающей дух панорамой ночного огромного города. В ресторане "Тройка" (кстати, его держит наш земляк Фима, работавший в Одессе у Литвака шофером) нас кормили картошкой с селедкой и квашеной капустой, как будто за два дня мы могли за этим деликатесом соскучиться...

В понедельник утром стало понятно: праздник закончился, все разбежались по своим работам, а мы остались наедине с проснувшейся пронизывающей тоской по оставленной Одессе...

II. Учим английский язык...

Через пару недель после приезда мы были зачислены на курсы (бесплатные!) английского языка для эмигрантов. В нашей группе, состоящей из двенадцати человек, одесситов, кроме меня с женой, не оказалось: супружеская пара из Москвы, четыре бакинца, два вьетнамца... Так получилось, что мы сразу оказались среди аутсайдеров: если все наши сокурсники в большей или меньшей степени владели английским (хоть какими-то аза-

ми), то мы с Людой — ни бум-бум, даже алфавита не знали. Я довольно прилично владел французским, Люда учила в школе немецкий... Кстати, насчет моего французского. Благодаря прекрасной школьной преподавательнице французского языка Любове Дмитриевне Шкляровой (из "бывших", как тогда говорили о дворянах и прочей "белой кости"), а также стараниям моей мамы, которая практически каждый день один час заставляла меня общаться с ней на языке Гюстава Флобера и Виктора Гюго, впоследствии, периодически работая на судах с французскими туристами, я легко общался с последними на их языке. Более того, при этом получал комплименты за свой "парижский" прононс! Забегая несколько вперед, вынужден констатировать: за четыре месяца обучения на курсах я, конечно, английским овладел по самому минимуму, зато хороший французский утратил начисто...

Учили нас профессиональные преподаватели-лингвисты и... драматические актеры местных театров. На уроках нам категорически запрещалось общаться между собой на каком-либо языке, кроме английского. В результате первое время я в полной мере ощущал, как живется на белом свете глухонемому. Но, тем не менее, следует признать: такая жесткая система обучения благодаря большому количеству легко воспринимаемых красочных иллюстраций и неимоверному терпению преподавателей вскоре начала приносить плоды. Не прошло и месяца, как самые нахальные (я в их числе), преодолев вполне объяснимую застенчивость, заговорили. Представляют — коверкая слова, с ужасающим произношением, но заговори-ли! Однажды, кажется, на третьем месяце обучения, я даже попытался рассказать в классе "на чистом английском языке" очень кстати вспомнившийся мне анекдот. Правда, некоторые слова я предварительно поискал в словаре. Например, "*archer*"*. Вот этот анекдот.

...Где-то в одном из арабских эмиратов проходят международные соревнования стрелков из лука. В результате упорной борьбы в финал вышли англичанин, немец и русский. Лично эмир водрузил на голову любимого слуги яблоко и начертил линию огневого рубежа. Первым стреляет англичанин. Он поднимает лук, натягивает тетиву и, почти не целясь, пускает стрелу, которая попадает точно в центр яблока. Бурные аплодисменты! Англичанин надменно поднимает голову и гордо произносит:

— I am Robin Hood!**

К рубежу подходит немец, тщательно целится в установленное на голову любимого слуги эмира яблоко, тоже попадает точно в середину его

* Стрелок из лука (анг.).

** Я — Робин Гуд! (анг.).

и под восторженный рев болельщиков радостно вскидывает над головой руки с криком:

— I am Wilhelm Tell!*

На рубеже — русский. Он долго и очень тщательно целится, отпускает тетиву и попадает стрелой точно... в лоб любимого слуги эмира!.. В наступившей гробовой тишине он поворачивается в сторону онемевшего эмира и тихо произносит:

— I am... sorry...**

Анекдот имел успех! Даже суровая преподавательница, никогда не улыбающаяся и, вообще-то, больше похожая на малосимпатичного мужчину, выдавила какое-то подобие улыбки и пробурчала нечто, соответствующее в переводе на русский язык "может, если захочет...".

Несколько раз в течение учебы мы сдавали тесты, по которым можно было судить о том, насколько выросли наши знания. Я относился к этим мероприятиям достаточно спокойно и постоянно успокаивал Людмилу, крайне болезненно, вплоть до повышения артериального давления воспринимавшую приближающийся экзамен. Впрочем... Однажды забежавший к нам за день до испытания Костя замер от изумления в дверях и довольно ехидно произнес:

— Людочка, ты так переживаешь за завтрашний тест, и при этом под аккомпанемент русского телевизионного канала играешь с мужем в карты... Так перестань переживать, выбрось карты, выключи телевизор и учи английский!

Конечно, по большому счету, Костя был прав. Но тогда убрать из квартиры русскую речь диктора Первого российского канала было выше наших сил...

Преподаватели курсов, которые, с одной стороны, оставили о себе добрую память, сумев вбить в мою голову за короткий срок кое-какие знания чужого для меня языка, с другой стороны, просто поразили меня своим интеллектом со знаком "минус". Выяснилось, что они не только не знают русскую классическую литературу (некоторые только слышали о существовании Достоевского и Толстого), но не знают и своих классиков! Более того, называемые мною имена Джека Лондона и Марка Твена, О'Генри и Эрнеста Хемингуэя им ничего — понимаете? — вообще ничего не говорили!..

* Я — Вильгельм Тель! (анг.).

** Я... сожалею... (анг.).